

материализуется связь между средой, личностью и образовательными институтами.

Список литературы

1. Виленский М. Я. Физическая культура как образовательная дисциплина в современной высшей школе. Ростов-на-Дону, 1999.
2. Гармаев Ц. К. Социализация личности будущего учителя средствами физического воспитания. Якутск: Изд-во ЯГУ, 2007. 116 с.
3. Лубышева Л. И. Современный ценностный потенциал физической культуры и спорта и пути его освоения обществом и личностью // Теория и практика физической культуры. 1997. № 6. С. 10-15.
4. Лукьяненко В. П. Терминологическое обеспечение развития физической культуры в современном обществе. М.: Советский спорт, 2008. 168 с.

УДК 17.02

С. З. Гончаров

S. Z. Goncharov

ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», г. Екатеринбург

Russian state vocational pedagogical university, Ekaterinburg

gsz2004@mail.ru

ПРАВСТВЕННОСТЬ – ПРОПУСК В ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ОБЩНОСТЬ

MORALITY IS A PASS TO THE HUMAN COMMUNITY

В статье раскрыто становление нравственности и становление свободы воли как единый процесс в антропогенезе.

Ключевые слова: самоограничение, совесть, стыд, нравственность, свобода воли, равноценность достоинства людей, первичность нравственности.

The article covers the development of morals and the establishment of freedom of the will as a single process in antropogeneze.

Keywords: self-restraint, modesty, shame, conscience, free will, the equal value of human dignity, the primacy of morality.

Генетически исходной в антропогенезе явилось становление нравственности, *совпадающее со становлением свободы воли*. Мы попытаемся обосновать тезис о первичности нравственности не только в антропогенезе, но и в *современных условиях*. Более того, пока нравственные императивы будут верховенствовать и в реальной политике, и в общении, до тех пор род человеческий будет развиваться по вектору восхождения, а не нисхождения.

Рассматривая начало человеческой истории, И. Кант сразу отметил главное: *сдерживание инстинктов* (пищевого и полового), связанное со

страданием. Отказ от власти инстинкта пола, писал он, — «и был тем волшебным средством, превратившим чисто чувственное влечение в идеальное, животную потребность — в любовь, ощущение, просто приятное, — в понимание красоты, сначала в человеке, а затем и в природе». Начало истории Кант связывал с нравственной саморегуляцией. «Соккрытие того, что могло бы вызвать презрение» дало «первое указание к воспитанию человека как нравственного существа. Незаметное начало, — создавшее, однако, эпоху тем, что дало совершенно новое направление образу мышления, — важнее, чем следующий за ним необозримый ряд завоеваний культуры». [5, с. 47 — 48].

Выходит, *рождение нравственной саморегуляции первично* по отношению «ко всем завоеваниям культуры»! Канту была присуща гениальная проницательность.

Причиной возникновения первичной *сверхприродной* регуляции в антропогенезе, писал Ю. М. Бородай, стали «жесткие сексуальные ограничения в первобытно-родовой общине — *отказ* от половых связей внутри сообщества, результатом чего и явилась первая (тотемная) форма экзогамии» [1, с. 369]. Один инстинкт столкнулся с другим: половой инстинкт — с инстинктом самосохранения; природное вожделение — с психическим потрясением от кровавой бойни. Табу, *самозапрет на половую связь внутри первобытной группы* символизировались внешним образом в виде *тотема*.

Мучительный отказ был порожден суровой расплатой за эротику — гибелью тех индивидов, которые претендовали на сексуальную монополию. Существенно то, что «эта первая форма первобытно-человеческого аскетизма была результатом не внешнего запрета, но самоограничением *мужских особей, их внутреннего самоограничения*, т.е. совести, непосредственным проявлением которой явился стыд. Человек стал человеком тогда, когда он впервые надел повязку на бедра» [1, с. 359].

Формой запрета половых связей внутри общины явилось *табу*, представленное сначала *внешним* образом в виде *тотема*. Родовой бог (тотем) — «*символ бунта против себя самого, против природно-биологической детерминации своего “Эго”*». Путь к Богу — подавление своих инстинктов, аскетизм. Это первый шаг к свободе воли — покорение природы» [1, с. 178]. Замечательно то, что тотем — всеобщий принцип родовой организации у всех народов в древности. Бородай выстроил такую последовательность: эротика — смерть — табу.

Самоограничение стало исходным принципом нравственности, началом всякой дальнейшей надприродной социальной связи. Как в древности, так и ныне аскеза есть «живой нерв всякого продуктивного созидания вообще» [1, с. 360], будь то продуктивная экономика, возрождение страны или духовное творчество в культуре.

Табу, самоограничение – первая, архаическая «форма совести». Рождение совести есть по существу «рождение свободы воли или, что то же самое, – *вменяемости*» [1, с. 167]. Вменяемости чего? Быть человеком, а не зверем, *самому определять себя к действиям согласному должному*. Это означает идентифицировать себя с образом человека – чтить в себе и в других достоинство, признавать равноценность достоинства людей, независимо от их эмпирических состояний.

Человек обрел способность *свободного* решения – реагировать или воздержаться. *«С этого момента среда теряет свою всесильность, ее диктат становится не абсолютным; самой главной и устойчивой для человека становится собственная его воля – нравственный долг, который должен выполняться независимо от эмпирически данного состояния личной среды, вопреки ей, т.е. вопреки собственным побуждениям» [1, с. 168] (курсив наш – С. Г.).*

Свобода воли возникает в суровом процессе *самоограничения ради сохранения общности*. Свобода воли выражается и в свободе воображения, мышления, поведения и т.д.

В генезисе социальной связи (нравственности, свободы воли, воображения) осуществлялось мучительное отделение *вожделений – от предмета вожделений*. Происходила длительная *биопсихическая «ломка»* индивидов в корневой сфере – в области пола. Тяжесть этого разрыва трудно сравнить с чем-либо в дальнейшей истории. Его можно приблизительно уподобить отделению производителя от средств производства, земледельца – от земли, все ужасы которого К. Маркс описал в первом томе «Капитала» в главе о первоначальном накоплении капитала.

Возникнув как исключение, самозапрет стал *правилом* во всей дальнейшей человеческой истории. Он возник в *отдельной* области жизнедеятельности, чтобы затем охватить *все остальные*.

Во-первых, нравственность – не побочный аспект жизни, а *генетически исходное всеобщее определение социальной связи*. У всех народов с древности и по настоящее время нравственность базируется, в конечном счете, на *абсолюте*, на *религиозных святынях*. *Нравственность потому*

подкрепляется религиозно-культурной практикой (абсолютом), что сама она является абсолютной, всеобщим для всех членов социальной общности условием существования социальной связи вообще, общения и многообразных общественных отношений, в особенности. «И если отдельная наука, — писал Э. В. Ильенков, — вдруг выдвигает концепцию и вытекающие из нее рекомендации, которые непосредственно идут вразрез с принципами гуманизма, с принципами нравственности, то у нас есть все основания полагать, что в данном случае высшая правда все-таки за нравственностью, что заблуждается тут данная наука» [3, с. 432]. «Всякая истина, — писал С. А. Левицкий, — противоречащая добру и красоте, не может быть полноценной истиной» [4, с. 190]. Для социально-гуманитарных наук о человеке именно такое ценностно ориентированное понимание истины является более конкретным и приемлемым.

Отметим, что Э. В. Ильенков принцип гуманизма и принцип нравственности упоминает через запятую, т.е. принцип нравственности является в итоге критериальным по отношению к гуманизму.

Во-вторых, из нравственной регуляции следуют все дальнейшие основные характеристики человека — свобода воли, намеренный характер чувств и мыслей людей, воображение, понятийное мышление с его способностью возводить частное во всеобщее и общезначимое; идентификация индивида с той или иной общностью, ценностями; понимающие общественные чувства человека, побуждающие к солидарности, сочувствию.

В-третьих, эрозия нравственности есть *деградация* по всей линии бытия людей, *десоциализация* индивидов с их невротами и различными деструкциями. Не случайно, распаду социальной связи предшествуют «сексуальные революции»! Например, США 60-х годов XX века, а ныне в Европе и России. Ни право, ни полиция, ни утонченное администрирование, ни материальное благополучие *не в состоянии* заменить нравственную регуляцию, нравственную общность субъектов со *свободой* воли. Ибо такие субъекты могут объединяться в общность на мотивах *добровольности*. Нравственность и есть неинституциональная *саморегуляция* поведения на основе самоповеления, самоконтроля, самооценки, самоуправления индивидов.

В классической философии *вертикаль* ценностей завершается *нравственной доминантой*. Философские системы Платона и Гегеля увенчаны идеей *блага*. Кредо Эпикура — *нельзя жить разумно, не живя нравственно*. Установка — познавать природу, чтобы правильно жить — составляет ду-

ховный остов европейской философской классики Нового времени. Р. Декарт разумел под этикой «высочайшую и совершеннейшую науку о нравах; она предполагает полное знание других наук и есть последняя ступень к высшей мудрости» [2, с. 427]. Б. Спиноза в своей «Этике» желает направить все науки к одной цели — «к достижению наивысшего человеческого совершенства» [6, с. VII]. К. Маркс вдохновлялся *нравственным* мотивом — работать на человечество. «Героями нравственности», по выражению Маркса, являются Кант и И. Г. Фихте. Русская философия зародилась как «кардиогнозия», как «сердечное познание» и развернулась в XIX-XX вв. как *духовно-нравственная* теория человека, семьи, Родины, государства, хозяйства, труда, собственности.

Грех упрощенного материализма связан, в частности, в сведении нравственности к неглавной, несущественной форме социальной связи, по схеме «остаточного принципа». Религия, вне всякого сомнения, усиливает нравственные императивы тем, что сообщает нравственности *абсолютную основу*: если душа каждого есть образ и подобие совершенства Божия, то субстанциально, по происхождению, душам всех людей присуще *равноценное достоинство*; т.е. религия объясняет доступно каждому, почему наши души *равноценны* по своей субстанции.

С позиций упрощенного материализма, а он ориентирован на внешний опыт и на *внешнего* человека, экономика первична, а нравственность вторична; нравственность вырастает из сытого желудка как клеверный листок из чернозема. Отношение между материальной жизнью и нравственностью уподобляется отношению между температурой металла и его объемом: если металл нагреть, то его объем увеличится. При этом *метод естествознания* распространяют на *человеческую реальность*. Тем самым грубо смазывается *различие между объектами естествознания, не обладающими свободой воли, и разумными существами со свободой воли*. Из-за такого понимания, в частности, и рухнул Советский Союз, рухнет и современная Россия, коль в ней будет продолжаться глумление над нравственными повелениями в народной жизни.

В рамках подобного редукционизма не понимается природа нравственности, которая всегда, во всей писаной истории, исходила и ныне исходит из *должного*, а не из того, что существует под носом, в ближайшем окружении. Исходить из *должного*, значит исходить из установки — *что свое достоинство и достоинство других в равной мере. Нравственность императивна, повелительна — «да будет так»! Наперекор всем обстоятельст-*

вам! Таково ее кредо. Ныне Россия зарастает алчностью, коррупцией, преступлениями, воровством народного достояния. Такова практика. Что же, следует «адаптировать» молодых специалистов к такой практике? Ибо практика первична, а нравственность вторична? Нравственность повелевает признавать равноценность достоинства лиц и согласно такому признанию реализовать *должное* общежитие, в котором «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех». Ни из какой практики этот благородный принцип не следует, он следует из повелений совести. Из практики следует нечто иное: урвать себе побольше и удрать. Так велит инстинкт, который тоже целесообразен, но граница его целесообразности крайне узка. *Нравственность же согласует цели различных субъектов на основе равноценности их достоинства и повелевает созидать хозяйство и культуру на такой основе.* Нравственность по своей природе не может быть *непервичной* по отношению ко всем отношениям — и экономическим, и «идеологическим».

Первичность нравственности есть иное выражение *первичности людей по отношению к их внешним произведениям* по логике: «творец первичен, его творение вторично». *Не нравственность надо согласовывать с экономикой и политикой, а, наоборот, экономику и политику — с нравственными повелениями.* Что нравственно, то всегда и экономично.

Верховенство нравственности означает первичность человеческой общности по отношению к творениям людей, будь то производство, формы хозяйствования или управления. Именно нравственность пронесла через толщу тысячелетий, через слезы и горе людей, весть об их достоинстве и чести. Что нравственно, то всегда и экономично в итоге. Нравственность — это идеология равноценности достоинства человека, независимо от его пола, национальной принадлежности и социального поведения.

Итак, нравственность есть отношения между людьми по поводу равноценности их достоинства и утверждения такого повеления на практике.

Список литературы

1. *Бородай Ю.М.* Эротика — Смерть — Табу: трагедия человеческого сознания. М.: Гнозис: Рус. феноменолог. общество, 1996.
2. *Декарт Р.* Избранные произведения. М., 1950.
3. *Ильенков Э. В.* Гуманизм и наука // Наука и нравственность. М., 1971.
4. *Левицкий С. А.* Трагедия свободы. М.: Канон, 1995.
5. *Кант И.* Предполагаемое начало человеческой истории // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980.
6. *Спиноза Б.* Этика. М., 1932.